

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-214-225

EDN: DQQBTY

Новые продовольственные риски в условиях современного глобализирующегося общества*

Е.А. Бузыкина

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: buzykina-ea@rudn.ru)

Аннотация. Несмотря на успехи международных организаций и государств в деле борьбы с голодом, эта проблема продолжает обостряться: по данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, в мире недоедает каждый девятый человек. В то же время становится все более ощутимой проблема ожирения среди взрослых: им страдает практически каждый восьмой. Эти полярные риски продовольственного обеспечения зачастую проявляются в одних и тех же странах, обществах и социальных группах. Глобальная нехватка продуктов питания, голод и продовольственная безопасность стали ключевыми вопросами мировой повестки дня. Еще в 2019 году Всемирный экономический форум (ВЭФ) представил «Отчет о глобальных рисках» по итогам опроса почти тысячи экспертов о восприятии глобальных рисков. Хотя под глобальным риском в данном случае контексте понимается ситуация неопределенности, которая повлечет за собой негативное последствие для некоторых стран или экономических отраслей в течение ближайших десяти лет, такая трактовка затрагивает только один аспект классического социологического определения риска, подразумевающего ситуацию неопределенности, в которой необходимо сделать конкретный выбор на основе дихотомии действительности и возможности, т.е. результатом выбора может быть не только негативное, но и позитивное последствие. Иными словами, необходимо заблаговременно прогнозировать тренды развития глобальных проблем человечества, к которым, безусловно, относятся и риски питания. Вопросы мировой продовольственной безопасности, отраженные в целях устойчивого развития - глобальной инициативе ООН по комплексному преобразованию мира, задают глобальную повестку дня, учитывая рискогенность современного социума и в вопросах питания. В статье обоснована необходимость социологического изучения природы возникновения рисков питания, а также их новых форм, появившихся в ходе взаимосвязанных процессов глобализации и глокализации и определяющих будущее продовольственных систем. По результатам теоретического анализа представлена классификация рисков еды человека в контексте постоянно усложняющегося социума с учетом основных социологических подходов к определению еды и ее рациональности, а также трактовок новых рисков, специфических для питания человека, в теориях риска, глобального продовольственного риск-менеджмента и неолиберальных версиях устранения продовольственных рисков.

*© Бузыкина Е.А., 2025

Статья поступила в редакцию 15.02.2024. Статья принята к публикации 24.12.2024.

Ключевые слова: питание; продовольственные риски; глобализация; типы рисков; классификация рисков; социологические подходы; будущее продовольственных систем; кризисы; негативные последствия

Для цитирования: Бузыкина Е.А. Новые продовольственные риски в условиях современного глобализирующегося общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1. С. 214–225. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-214-225>

Как правило, под риском продовольственного кризиса понимается «недостаточный, слишком дорогой или ненадежный доступ к соответствующему количеству питания достойного качества в макро-масштабе» [37. С. 98]. Социетальный риск продовольственного кризиса связан с трендами изменения климата и ухудшения состояния окружающей среды [37. С. 6], дефицита водных ресурсов, экстремальных погодных явлений, неудачного предотвращения последствий изменения климата и адаптации к ним, масштабной вынужденной миграции и серьезной социальной нестабильности [37. С. 7]. Общая ситуация рисков еды зависит от целого ряда факторов: во-первых, риски питания человека зависят от биоразнообразия, которое снижается в связи с экологическими рисками, угрожая здоровью человека, социально-экономическому развитию общества и даже безопасности некоторых регионов [37. С. 6]. Более 2 миллиардов человек сегодня страдают от нехватки микроэлементов по причине отсутствия доступа к нормальному питанию [37. С. 15]. Усугубляют ситуацию риски климатических катастроф [40; 44]. На продовольственную безопасность государств и возможности сельского хозяйства ее обеспечивать влияет и проблема повышения уровня моря, что угрожает как непосредственно жизни людей, так и исчезновению сельскохозяйственных земель.

Во-вторых, новые революционные биотехнологии сулят существенный прорыв в сфере общественного питания, но в то же самое время грозят серьезными проблемами надзора и контроля за нашим потреблением [37. С. 47], что обусловлено существенными трансформациями биологических рисков и (потенциальным) развитием патогенов. В-третьих, удар по продовольственной безопасности наносит все ускоряющаяся и обретающая глобальные масштабы урбанизация городов — помимо депопуляции сельской местности она влечет за собой проблемы в местной экономике, что не может не нанести ущерб производству продуктов питания [37. С. 68]. В-четвертых, одним из ключевых рисков современности стали сбои продовольственного снабжения, превратившись также в своеобразное средство манипуляции в рамках торговых войн и геополитических сделок (импортно-экспортные отношения и даже внутригосударственные потоки продовольствия могут быть приостановлены [8; 11; 43]). Фактически государства-противники (или акторы другого масштаба) мо-

гут вести друг против друга продовольственную «партизанскую войну», причем не только агрессивную — проводя подпольные биологические атаки на урожаи соперников, но и пассивную — не выполняя договоренности о поставках продовольствия или даже пропуске соответствующих грузов через свои территории [37. С. 69].

В-пятых, на риски питания населения существенное влияние оказывают конфликты и войны внутри государств — они ведут к разрушению сетей поставок, кризису продовольственного производства в национальной экономике, возникновению продовольственных пустынь, ограничению возможности социальной мобильности, а значит, к нехватке питания и питьевой воды, росту заболеваемости и, в конечном счете, к голоду [37. С. 78]. В эту же категорию рисков попадают и риски питания беженцев (от внешних и внутренних политических конфликтов и военных угроз). В-шестых, продовольственные риски напрямую зависят от роста населения: чтобы поддерживать текущий уровень доступности продовольствия до 2050 года, потребуется как минимум 70 % увеличение производства продуктов питания, а это колоссальная нагрузка на продовольственную систему мира [21]. И это происходит на фоне того, что около трети всей еды мира оказывается на свалке, в то время как миллиарды недоедают [13].

Таким образом, нехватка еды становится глобальной гуманитарной катастрофой: по данным Всемирного банка, доля населения мира, страдающего от недоедания, сократилась с примерно 15 % в начале 2000-х годов до 10,6 % в 2015 году, но в последующие два года эта цифра увеличилась до 10,9 %. В абсолютном выражении это означает увеличение примерно на 40 миллионов человек: около 1 миллиарда человек постоянно недоедают, более 2 миллиардов испытывают недостаток в микроэлементах, необходимых для роста, развития и профилактики болезней [38].

Представленную выше краткую объективную картину продовольственных рисков можно рассмотреть с использованием разных социологических подходов. Так, влияния экологии на риски продовольственной безопасности хорошо описывает теория Э. Гидденса об особенностях рисков в эпоху рефлексивного модерна: он использует метафору «конца природы» для характеристики ситуации, при которой на планете не осталось нетронутых антропогенной деятельностью мест, т.е. среды, которая могла бы повлиять на человека не вследствие его собственной активности (большинство современных экологических рисков носит антропогенный характер): «Нас стало беспокоить не столько то, что может сделать с нами природа, сколько то, что мы можем сделать с ней. Это поворотный момент от преобладания внешнего риска к господству рукотворного» [2. С. 43–44]. Иными словами, внешние опасности, не зависящие от человека, уступают по воздействию и масштабам рискам антропогенного характера. Безусловно, внешние угрозы (погодные, климатические) сохраняют свою значимость, однако рукотворные риски

развиваются экспоненциально: это и биотехнологии, трансформирующие биологические риски, и геополитическая нестабильность, войны и кризисы, способные разрушить цепочки поставок продовольствия и экономические возможности стран по его производству, и урбанизация, которая приводит к оттоку рабочей силы из сельскохозяйственных районов. Кроме того, в рамках продовольственной безопасности риски в высшей степени взаимосвязаны, и в силу вступает так называемый «эффект бабочки» [41. С. 23] — изменение в одной сфере вызывает значительное и непредсказуемое изменение в других сферах, т.е. система продовольственного обеспечения порождает все новые риски [22. С. 3–4].

Последствия рукотворных рисков можно классифицировать на краткосрочные и долгосрочные, поскольку помимо получения прагматической выгоды в ближайшей перспективе следует учитывать так называемые «отложенные эффекты латентного толка», возникновение которых не было запланировано. Риски голода (ненамеренные последствия продовольственных «партизанских» войн и конкретных конфликтов) наносят существенный удар по онтологической безопасности человека, буквально «вырывая» нас из привычной среды социального и природного действия [1. С. 222–223].

Поскольку продовольственные риски во многом обусловлены кардинальными изменениями социума в связи с глобализацией разного уровня — начиная от логистики цепочек питания и заканчивая деятельностью международных организаций по минимизации угроз гуманитарного кризиса (расширяется география производства определенных продуктов питания, меняется система специализации регионов, все чаще применяется международное продуктовое эмбарго), следует обратиться к концепции общества риска У. Бека. Он постулирует необходимость перехода от «методологического национализма» к «космополитическому мышлению»: «категория мирового общества риска контрастирует с той, которая обозначает общество риска... глобальный риск есть инсценирование реальности глобального риска... только через воображение и инсценирование мирового риска будущая катастрофа становится настоящим — зачастую с целью избежания ее принимаются значимые решения в настоящее время. В таком случае диагноз риска превращался бы в “самоисполняющееся пророчество”» [15. С. 10]. Получается, что заблаговременное продумывание способов решения глобальных продовольственных проблем порождает все новые сценарии глобального будущего, поскольку современные глобальные риски, по Беку, характеризуются тремя свойствами: делокализация (причины рисков не привязаны к месту производства или потребления продукции), неисчислимость (множество глобальных рисков включает в себя и теоретические риски, существование которых (пока) научно не доказано (скажем, биотехнологии и изменение рациональности

еды), но они могут привести к отложенным рискам, которые на данный момент сложно предсказать), невозможность компенсации (климатические изменения и утрата биоразнообразия необратимы и не могут быть компенсированы) [15. С. 52].

В контексте влияния экологического баланса на риски производства и потребления еды в локальном и глобальном масштабе следует упомянуть «ресурсный поворот», обоснованный Дж. Урри. Он предложил сочетать социологические и естественнонаучные подходы [40. С. 8], чтобы изучать общество более комплексно, с привязкой к ресурсной и природной зависимости человека, что непосредственным образом касается производства еды и продовольственных рисков. Так, риски сбоя системы продовольственного снабжения и риски концентрации населения в ходе урбанизации порождают «уязвимости» — «нарастание структурной дисфункциональности сложной структуры социума и/или техно-природной системы, что проявляется в потенциальной угрозе катастрофы и социальных страхах относительно неопределенностей» [6. С. 244]. В отличие от опасности, имеющей объективную, не зависящую от человеческого восприятия, природу, уязвимости есть и субъективная составляющая. Более того, уязвимость носит максимально неопределенный характер: нельзя точно определить ее распространение во времени и пространстве по причине большого числа системных элементов, которые могут породить непредвиденные ошибки вследствие внутренних или внешних нагрузок.

Ч. Перроу характеризует уязвимости современного общества как «нормальные аварии», т.е. инциденты, причина которых не халатность, несостоятельность сотрудников или менеджмента, а «нормальные» (по сути неизбежные) сбои во взаимодействии человека и сложных технологических систем [30. С. VII]. Перроу выделяет три основных источника таких уязвимостей: концентрация энергии (взрывных веществ или токсинов в случае сельского хозяйства); концентрация населения в экологически и технологически опасных зонах (например, где одновременно интенсифицируется производство еды и промышленная разработка недр; или же в результате ускоренной урбанизации город страдает от нехватки качественных продуктов питания, а село — от отсутствия компетентных работников); концентрация власти политической или экономической (опасность продуктовых войн, перебоев поставок питания с связи с конфликтами, геополитической напряженностью, гуманитарными катастрофами, миграционными потоками, нарушением продовольственного суверенитета других стран, принудительным внедрением новых биотехнологий, которые в отложенной перспективе могут нанести вред не только экологии, но и здоровью человека).

Будучи тесно взаимосвязаны, «нормальные аварии» вызывают системные катастрофы, а в связи с увеличением количества глобальных систем катастрофы почти неизбежны — неясен только момент “взрыва» [42. С. 59]. Однако

поскольку изначальный фактор возникновения таких систем — антропогенная деятельность, осмысление истоков возникновения катастроф, сценарное прогнозирование может подсказать своевременные решения. Например, одна из серьезнейших современных уязвимостей — проблема мусора: около трети всей еды мира оказывается на свалке, в то время как миллиарды людей недоедают [13]. Фактически эта уязвимость порождена нашей «текучей жизнью» в трактовке З. Баумана: по его мнению, одна из ее ключевых характеристик — неустойчивость, постоянная неопределенность по причине постоянных изменений, не имеющих под собой определенной цели [14. С. 2, 3, 66], в рамках потребительского образа жизни, где все рассматривается и оценивается с точки зрения потребления [14. С. 9]. Мусор, по Бауману, — основной продукт потребительского образа жизни, и утилизация отходов, в том числе пищевых, становится одной из двух главных проблем текущего социума (вторая проблема — самому человеку не стать мусором на периферии текущей жизни).

Гиперфиксация на потреблении порождает «симулякры нормального тела», заставляющие объективно здоровых людей рисковать здоровьем ради «лучшего», «идеального» тела [6. С. 239], в связи с чем возникают социокультурно обусловленные болезни [18. С. 51], связанные с едой (например, анорексивный невроз, булимия и ожирение [24]). С одной стороны, мы живем в эпоху «макдональдизированной» еды, с другой стороны, практики калкулируемости, контроля, эффективности и предсказуемости подчиняют себе и сферу здравоохранения: сфера диетологии поставлена на поток не только в медицинских учреждениях, но и в Интернете — за умеренную плату можно приобрести любую «индивидуальную» диету, получить диагноз от интернет-диетолога, блоггера, самостоятельно продиагностировать себя с помощью онлайн-тестов или даже заказать меню «правильного и сбалансированного питания» с ежедневной доставкой на дом.

Безусловно, все перечисленные проблемы не только констатируются/диагностируются, но и рассматриваются исследователями с точки зрения возможных сценариев своего решения. Например, многие авторы поднимают вопрос продовольственного суверенитета отдельных государств и регионов, подчеркивая значимость национально-локального дискурса в контексте еды: необходимо обеспечить фермерам (мелким и средним производителям) доступ к земле и права на нее, поскольку засилие крупных сельскохозяйственных бизнесов (агрохолдингов) приводит к изменению паттернов фермерства и бедности [9; 29; 33]; следует поддерживать производство локальной еды для поддержания жизнеспособности местных сообществ [12; 23; 31]; следует сосредоточиться на объединении сил города и деревни (сельские производители выращивают органические культуры, чтобы удовлетворить растущий спрос на более качественную сельскую продукцию в городских центрах,

а обеспечение продаж по «более справедливой» помогает сельским производителям вырваться из нищеты посредством сотрудничества с потребителями [27]). Другие авторы подчеркивают влияние сетевых коммуникаций на восприятие еды, например, в социальных сетях фиксация факта потребления пищи происходит в различных контекстах и формах, а размещение фотографий обусловлено культурным выражением идентичности и модальными стандартами принятого образа жизни, которые могут быть как здоровыми, так и нездоровыми [16]. Еще одно близкое направление исследований — анализ био- [19] или прото-медикизации [28] еды: она выступает не только как способ поддержания энергии, но и как своеобразное «лекарство» — сбалансированная диета может оказывать антипаразитарный и детокс-эффект, существенно улучшая качество жизни.

Тем не менее, в целом в научном дискурсе доминирует своего рода рискологическая трактовка питания: риски недоедания связаны как с низкими доходами [7; 8; 11; 35], так и с экологическими и климатическими угрозами [20] (некоторые авторы даже называют характер потребления пищи компонентом нашего «энвайронментального габитуса» [23]), а продовольственная безопасность рассматривается как аспект благосостояния человека, будучи сложно и нелинейно взаимосвязана с водной, энергетической, производственной и прочими видами «безопасности» [32].

Соответствующие риски обусловлены как региональными/национальными особенностями, так и глобальными неопределенностями [36]: изменением спроса (ресурсосберегающее и ресурсоемкое потребление) и взаимосвязанностью рынков (высокое взаимопроникновение и обособленность рынков). В первом случае речь идет о будущем спросе на продукты питания и сельскохозяйственные товары, и особый акцент делается на воздействии на окружающую среду и последствия для здоровья выбора потребителей, т.е. неопределенность изменения спроса обусловлена тем, будет ли спрос более ресурсоемким по сравнению с ресурсосберегающим. Во втором случае неопределенность порождена открытостью торговли, проблемами доверия и устойчивости товарных рынков, т.е. непонятно, будут ли рынки в будущем взаимопроникаемы или обособлены.

Попарно сопоставляя крайние значения этих двух неопределенностей, эксперты сформулировали четыре возможных глобальных сценария: выживание самых богатых в мире ресурсоемкого потребления и обособленных рынков (резкое разделение между «имущими» и «неимущими»); неконтролируемое потребление в мире с высокой проникаемостью рынков и ресурсоемким потреблением (высокий рост ВВП и высокие экологические издержки); общедоступная устойчивость в мире тесно взаимосвязанных рынков и ресурсоэффективного потребления (широкий спектр международных контактов и инноваций); мир фрагментированных локальных рынков с ресурсо-

эффективным потреблением (богатые природными ресурсами страны ориентируются на местные продукты питания, а регионы, зависящие от импорта, страдают от голода). Несомненно, изменения климата могут повлиять на все будущие сценарии: деградация природных ресурсов ограничит долгосрочный производственный потенциал продовольственных систем, что, в свою очередь, поставит под угрозу социальную стабильность и экономическое благосостояние. Динамика продовольственной системы может усугубить неравенство внутри стран и между ними, и растущее неравенство повлияет на возможные варианты будущего. Технологии четвертой промышленной революции и другие инновации могут революционизировать продовольственные системы и одновременно кардинально и неравномерно изменяют то, как мы производим, управляем и потребляем продукты питания [36].

Наибольшую популярность в рискологическом дискурсе в последние годы набирает понятие «биополитика», которое М. Фуко ввел для обозначения современной формы реализации политической власти — своего рода рационализации жизни посредством методов государственного принуждения [10. С. 39]. Согласно Фуко с XVIII века рационализируются все проблемы, решаемые государством, — здоровье, гигиена, рождаемость, продолжительность жизни и многие другие, включая питание [10. С. 405]. В этом смысле либерализм, как бы парадоксально это ни звучало, возникает, когда общество становится «излишне управляемым» [10. С. 33]: свобода функционирует лишь в формате выбора определенной альтернативы в конкретных рамках, установленных государством, будь то *laissez-faire* экономика или сфера общественного питания. Управление в рамках либеральной биополитики — забота о свободе и безопасности индивида в условиях «опасной жизни», т.е., по сути, усилия по минимизации рисков для населения посредством установления рамок и принципов «нормальности» питания [10. С. 90]. А поскольку сегодня мы живем в глобализирующемся мире, то в рамках либерального подхода к продовольственной биополитике главными акторами оказываются международные организации, занимающиеся вопросами продовольственной безопасности планеты, прежде всего в рамках системы ООН (Всемирная продовольственная программа, Всемирная организация здравоохранения, ФАО — Продовольственная и сельскохозяйственная организация, Международный фонд сельскохозяйственного развития).

25 сентября 2015 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», закрепив 17 целей в области «Целей устойчивого развития». Вторая из них декларирует необходимость «ликвидации голода, обеспечения продовольственной безопасности и улучшения питания, содействия устойчивому развитию сельского хозяйства» [5]. Достижение безопасности продуктов питания — ключевой аспект совместной деятельности этих международных акторов. Так, ФАО и ВОЗ совместно разработали под-

ход к оценке рисков безопасности продуктов питания, включающий в себя три основных этапа: интегральная качественно-количественная характеристика известных или потенциальных неблагоприятных последствий для здоровья в результате воздействия на человека опасных факторов пищевого происхождения; взвешивание альтернатив биополитических действий для принятия или минимизации рисков, а также выбора и реализации стратегии действия (оптимизация мер по контролю за пищевыми продуктами с точки зрения их эффективности, действенности, технологической осуществимости и практичности от производства до доставки с учетом социальной и экономической целесообразности); мониторинг и информирование о рисках всех заинтересованных сторон.

Деятельность международных организаций, направленная на минимизацию постоянно усложняющихся рисков продовольственной безопасности и общественного питания, — яркий пример гуманистического поворота в биополитике с опорой «на принципы космополитической этики» [3], единственной способной противостоять рискам в глобализирующемся мировом сообществе. Поскольку еда предстает сегодня как многокомпонентный феномен, объединяющий биологические, социальные, культурные и биополитические элементы, риски еды для человека формируют глобальную повестку дня — парадигму будущей продовольственной безопасности мира и будущие сценарии развития продовольственных систем.

Библиографический список/References

1. Гидденс Э. Последствия современности. М., 2011 / Giddens A. *Posledstviya sovremennosti* [The Consequences of Modernity]. Moscow; 2011. (In Russ.).
2. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004 / Giddens A. *Uskolzayushchiy mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn* [Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives]. Moscow; 2004. (In Russ.).
3. Кравченко С.А. Новые риски еды: необходимость гуманистической биополитики // Политические исследования. 2014. № 5 / Kravchenko S.A. *Novye riski edy: neobkhodimost gumanisticheskoy biopolitiki* [New food risks: The need for humanistic biopolitics]. *Political Studies*. 2014; 5. (In Russ.).
4. Кравченко С.А. Социология риска и безопасности. М., 2016 / Kravchenko S.A. *Sotsiologiya riska i bezopasnosti* [Sociology of Risk and Security]. Moscow; 2016. (In Russ.).
5. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» / UN General Assembly Resolution 70/1 “Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development”. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1>. (In Russ.).
6. Социология питания: традиции и трансформации / Под ред. Н.Н. Зарубиной, С.А. Кравченко. М., 2017 / *Sotsiologiya pitaniya: traditsii i transformatsii* [Sociology of Food: Traditions and Transformations]. N.N. Zarubina, S.A. Kravchenko (Eds.). Moscow; 2017. (In Russ.).
7. Троцук И.В., Никулин А.М., Вегрен С. Трактовки и способы измерения продовольственной безопасности в современной России: дискурсивные и реальные противоречия // Мир России. 2018. Т. 27. № 1 / Trotsuk I.V., Nikulin A.M., Wegren S. *Traktovki i sposoby izmereniya prodovolstvennoy bezopasnosti v sovremennoy Rossii: diskursivnye i realnye*

- protivorechiya [Interpretations and dimensions of food security in contemporary Russia: Discursive and real contradictions]. *Universe of Russia*. 2018; 27 (1). (In Russ.).
8. Узун В.Я., Шагайда Н.И., Шишкина Е.А., Троцук И.В., Потанова А.А. Состояние продовольственной безопасности России в условиях пандемии. М., 2022 / Uzun V.Ya., Shagayda N.I., Shishkina E.A., Trotsuk I.V., Potapova A.A. *Sostoyanie prodovol'stvennoy bezopasnosti Rossii v usloviyah pandemii* [Food Security in Russia under the Pandemic]. Moscow; 2022. (In Russ.).
 9. Форбруг А. Не только о земле и о ее захватах: дисперсное лишение прав на землю в сельской России // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 3 / Vorbrugg A. Ne tolko o zemle i o ee zakhvatah: dispersnoe lishenie prav na zemlyu v selskoy Rossii [Not about land, not quite a grab: Dispersed dispossession in rural Russia]. *Russian Peasant Studies*. 2018; 3 (3). (In Russ.).
 10. Фуко М. Рождение биополитики: курс лекций, прочитанный в Коллеж-де-Франс в 1978–1979 учебном году. СПб., 2010 / Foucault M. *Rozhdenie biopolitiki: kurs lektsiy, prochitanny v Kollezh-de-Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [The Birth of Biopolitics: A Course of Lectures Delivered at the Collège de France in the 1978–1979 Academic Year]. Saint Petersburg; 2010. (In Russ.).
 11. Шагайда Н.И., Узун В.Я., Никулин А.М., Троцук И.В., Шишкина Е.А. Мониторинг состояния продовольственной безопасности России в 2014–2016 гг. М., 2019 / Shagayda N.I., Uzun V.Ya., Nikulin A.M., Trotsuk I.V., Shishkina E.A. *Monitoring sostoyaniya prodovol'stvennoy bezopasnosti Rossii v 2014–2016 gg.* [Monitoring of Food Security in Russia in 2014–2016]. Moscow; 2019. (In Russ.).
 12. Appavoo D., Korzun M. The Potential role of geographical indications in supporting indigenous food systems in Canada. *Book of Abstracts of the XIX ISA World Congress of Sociology "Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities"*. Toronto; 2018.
 13. Barilla Center for Food and Nutrition. Fixing Food 2018. Best Practices Towards the Sustainable Development Goals. URL: www.foodsustainability.eu.com/wp-content/uploads/sites/34/2016/09/FixingFood2018.pdf.
 14. Bauman Z. *Liquid Life*. Polity Press; 2005.
 15. Beck U. *World at Risk*. Polity Press; 2010.
 16. Caron Bouchard M. Shaping food consumption on Instagram among 18–34 young adults. *Book of Abstracts of the XIX ISA World Congress of Sociology "Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities"*. Toronto; 2018.
 17. Charoenratana S. No food sovereignty in Thailand without land security. *Book of Abstracts of the XIX ISA World Congress of Sociology "Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities"*. Toronto; 2018.
 18. Culture bound syndromes. K. White (Ed.). *The SAGE Dictionary of Health and Society*. SAGE Publication; 2006.
 19. Durocher M. Food biomedicalization and self-tracking technologies: How is “healthy ageing body” (re) defined? *Book of Abstracts of the XIX ISA World Congress of Sociology "Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities"*. Toronto; 2018.
 20. Fabiansson C. The role of climate change, food scarcity and social inequality — societal and individual risks factors. *Book of Abstracts of the XIX ISA World Congress of Sociology "Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities"*. Toronto; 2018.
 21. FAO: How to Feed the World in 2050. URL: www.fao.org/fileadmin/templates/wsfs/docs/expert_paper/How_to_Feed_the_World_in_2050.pdf.
 22. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Polity Press; 1991.
 23. Gonzalez J., Gravante T. We are kneading to another world. Alternative food practices and futures in Mexico City. *Book of Abstracts of the XIX ISA World Congress of Sociology "Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities"*. Toronto; 2018.

24. Hashemain F., Yach D. Public health in globalizing world: Challenges and opportunities. G. Ritzer (Ed.). *The Blackwell Companion to Globalization*. Blackwell; 2007.
25. Katz-Gerro T., Greenspan I., Handy F. Environmental habitus: The intergenerational transmission of environmental behaviors in cross-national comparison. *Book of Abstracts of the XIX ISA World Congress of Sociology "Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities"*. Toronto; 2018.
26. Kravchenko S.A. From formal rationality to the digital one: Side effects, ambivalences, and vulnerabilities. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (1).
27. Ku Hok Bun. Rural-urban alliance as collaborative politics in fighting against global capitalism: A case study of food sovereignty movement in China. *Book of Abstracts of the XIX ISA World Congress of Sociology "Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities"*. Toronto; 2018.
28. Monteiro P. Functional foods: The proto-medicalization of everyday life and the biopolitics of prevention. *Book of Abstracts of the XIX ISA World Congress of Sociology "Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities"*. Toronto; 2018.
29. Nuss S. Food sovereignty and land grabbing: Case study in rural USA. *Book of Abstracts of the XIX ISA World Congress of Sociology "Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities"*. Toronto; 2018.
30. Perrow Ch. *The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters*. Princeton University Press; 2011.
31. Pöggel K. From the niche cuisine to the mainstream kitchen? A communication perspective on drivers and barriers in popularizing local alternative food system. *Book of Abstracts of the XIX ISA World Congress of Sociology "Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities"*. Toronto; 2018.
32. Romero-Lankao P., Davidson D., Mcphearson T. The food-energy-water nexus and urban complexity. *Book of Abstracts of the XIX ISA World Congress of Sociology "Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities"*. Toronto; 2018.
33. Roy D. Land resource conflicts in India with its implications for food security and food sovereignty. *Book of Abstracts of the XIX ISA World Congress of Sociology "Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities"*. Toronto; 2018.
34. Shagaida N.I., Trotsuk I.V. Russia's food security under the crisis of 2020–2021: Objective and subjective dimensions. *Russian Peasant Studies*. 2022; 7 (2).
35. Shagaida N.I., Ternovsky D.S., Trotsuk I.V. Russia's ways to ensure food security (control food prices) in 2020–2022, and their impact on consumers. *Russian Peasant Studies*. 2023; 8 (2).
36. Shaping the Future of Global Food Systems: A Scenarios Analysis. URL: www.weforum.org/whitepapers/shaping-the-future-of-global-food-systems-a-scenarios-analysis.
37. The Global Risks Report. 2019. URL: www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2019.
38. The World Bank: Food Security 2018. URL: www.worldbank.org/en/topic/food-security.
39. Trotsuk I. National security as food self-sufficiency: Russian official discourse and public sentiments. *Book of Abstracts of the XIX ISA World Congress of Sociology "Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities"*. Toronto; 2018.
40. Urry J. *Climate Change and Society*. Palgrave Macmillan; 2015.
41. Urry J. *Global Complexity*. Polity Press; 2003.
42. Urry J. *Mobilities*. Polity Press; 2008.
43. Wegren S., Nikulin A., Trotsuk I. *Food Policy and Food Security. Putting Food on the Russian Table* Lexington Books; 2018.
44. Wegren S.K., Nikulin A.M., Trotsuk I.V. The fragility of Russia's agricultural production and implications for food security. *Eurasian Geography and Economics*. 2023; 64 (3).

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-214-225

EDN: DQQBTY

New food risks in the contemporary globalizing society*

Е.А. Buzykina

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: buzykina-ea@rudn.ru)

Abstract. Despite the successes of international organizations and states in the fight against hunger, the situation worsens: according to the Food and Agriculture Organization of the United Nations, every ninth person in the world is undernourished. At the same time, the problem of obesity among adults has become noticeable: almost every eighth suffers from it. Moreover, such polar food risks often occur in the same countries, societies and social groups. Global food shortages, hunger and food security have become key issues on the global agenda. In 2019, the World Economic Forum (WEF) presented the Global Risks Report based on a survey of almost a thousand experts on the perception of global risks. Although global risk in this context is understood as a situation of uncertainty that will entail negative consequences for some countries or economic sectors over the next ten years, such an interpretation covers only one aspect of the classical sociological definition of risk as a situation of uncertainty, in which we need to make a choice based on the dichotomy of reality and possibility, i.e., the result of the choice may be either a negative or positive consequence. In other words, it is necessary to predict trends in the development of global problems of humanity, which certainly include food risks. The issues of global food security, reflected in the Sustainable Development Goals (the UN initiative for a comprehensive transformation of the world), set the global agenda, focusing also on the food and nutrition risks of contemporary society. The article explains the need for the sociological study of the nature of food risks and their new forms that have appeared under the interrelated processes of globalization and glocalization and determine the future of food systems. Based on the results of the theoretical analysis, the author provides a classification of food risks for the increasingly complex society based on sociological approaches to defining food and its rationality, new risks specific to human nutrition in risk theories, global food risk management and neoliberal versions of eliminating food risks.

Key words: food and nutrition; food risks; globalization; types of risks; classification of risks; sociological approaches; future of food systems; crises; negative consequences

For citation: Buzykina E.A. New food risks in the contemporary globalizing society. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (1): 214–225. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-214-225>

*© E.A. Buzykina, 2025

The article was submitted on 15.02.2024. The article was accepted on 24.12.2024.